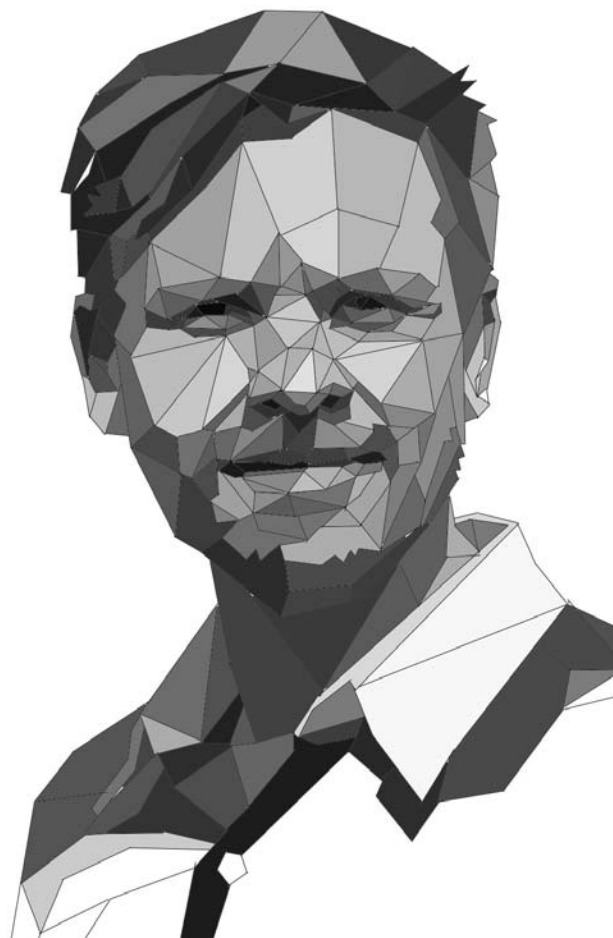

Мира нет

Интервью с Маркусом Габриэлем, немецким философом, исследователем античного скептицизма, трансцендентальной онтологии и философии мифологий, профессором Боннского университета, автором книг «О пределах теории познания» (2008), «Скептицизм и идеализм в античности» (2008), «Мифология, безумие и смех» (в соавторстве со Славоем Жижекком, 2009), «Трансцендентальная онтология» (2013), «Почему мира не существует» (2013). Первую часть интервью читайте на сайте «Теории и практики».

Финиковый Компот: Продолжим нашу московскую беседу об истине и фаллибилизме. Можете ли Вы теперь сформулировать Вашу теорию истины?

Маркус Габриэль: В целом, я склоняюсь к минимализму в вопросе об истине. Конечно, здесь имеются свои тонкости, поэтому позвольте мне немного объяснить. Существует связь между истиной, суждением и верой. В самой простой форме это выглядит примерно так: если мы утверждаем, что P , и выражаем реальную веру в P , то мы подтверждаем, что ситуация ровно такая, какой её описывает P . Это означает, что действительно есть связь между различными элементами, соотносимыми нами определенным образом. Например, истинно, что Москва больше Цюриха. Это означает, что вещи соединены так, как это выражено в суждении и соответствующем ему

убеждением. В нашем случае мы будем учитывать численность населения, размер территории, юридические критерии, по которым присваивается статус города и т.д. Заявить, что что-то — истинно, значит то же самое, что заявить, что события или вещи соотносятся друг с другом определенным образом. Истина — такова, не больше, но и не меньше! Метафизические теории истины искажают эту ситуацию, потому что они требуют добавить к этому понятию что-то более существенное, например соответствие, связность, зеркальное отражение реальности с помощью сознания или чего-нибудь еще. Тем не менее, добавление таких связей к тому, что является неотъемлемой частью истины, не способствует лучшему пониманию этого понятия.

ФК: Вы определяете существование как явление в некоем контексте. Можете объяснить отношения между «существованием», «явлением» и «контекстом» в этом определении? Прав ли я, что в Вашей теории «явление» есть функция, которая сопоставляет нечто существующее с его контекстом?

М.Г.: Вы правы! Контекст (более точно: смысловое поле, которым, по моему мнению, является контекст) — это то, что делает доступным, то, где создаются явления. Создать явление — значит создать что-то как существующее. При этом явление не относится ни к субъективному, ни к ментальному. Для меня это просто технический термин, но не хочу никого вводить в заблуждение: я считаю, что то, что пытались сформулировать Кант, Гуссерль или Хайдеггер, когда они говорили о «явлениях» — это, на мой взгляд, именно то, что я описываю как явление. Просто многие философы (в том числе, и в современной философии сознания) считают, что ничего не появилось бы без сознания. Они вкладывают явления в наши головы.

ФК: Есть ли разница между «чем-то существующим» (объектом) и контекстом? Верен ли по отношению к Вашей теории тезис, что самоидентичность объекта зависит от его отношения к его смыслу и другим объектам этого поля?

М.Г.: Разница между объектом и его полем (полями) функциональная, а не метафизическая. Смысловые поля — также объекты, всё зависит от того, какое поле скрывается в задаваемом вопросе. Например, моя мысль, что прямо сейчас в Лондоне идет дождь такова, что в ней является дождь, это смысловое поле, где может существо-

вать дождь (в этом случае, способом, предполагающимся истинностью пропозиции, на которую направлена моя мысль). Хотя вы также можете думать о моей мысли в контексте, который ставит на рассмотрение природу мысли, и так смысловое поле (контекст) превращается в объект другого поля.

ФК: В философии сознания есть различия между супервентностью, редукцией и элиминацией. Вы признаете эти различия? Если нет, пожалуйста, объясните, почему.

М.Г.: Многое зависит от того, насколько оправдано это различие, и какую ценность и теоретическую значимость оно имеет для науки, философии сознания и т.д. Что я отрицаю всецело, так это идею существования огромного всеохватывающего поля (вселенной, природы, космоса), которое изначально следует рассматривать как лишнее сознания и мысли, и что оно может быть метафизически враждебно либо постижимо для мысли, разума, и пр. Такая метафизическая картина реальности как целого принадлежит к области вопросов о том, как сознание вписано в природу. Тем не менее, неприятие этой картины не означает само по себе неприятия различий между супервентностью, редукцией и элиминацией. Это разные виды отношений, которые могут быть между сущностями, чье существование допустимо.

ФК: Терминологический вопрос. Почему сумма смысловых полей не является миром, и, как следствие, почему ваша теория — не идеология и не мировоззрение?

М.Г.: Ну, нет суммы всех смысловых полей. Наиболее удовлетворительное понятие мира, рассмотренное в моей работе: мир — это сумма или структурированная тотальность (и связанные с этим понятием точки зрения) смысловых полей. Это не мировоззрение, потому что такая вещь/поле/структура не удовлетворяет условиям собственного существования.

ФК: Что не так с кантовской теорией мира как трансцендентного идеала?

М.Г.: Это очень долгая история. Но в двух словах: проблема в том, что Кант верил в существование мира, но превратил мир в «эвристическую фикцию» (его слова!). Мир для него существует, но только в частной форме. Таким образом, он замещает метафизически реалистическую картину мира как тотальности сущностей, независимых

от теории, разума и рассудка, своей трансцендентально-идеалистической картиной мира как тотальности явлений, которая в целом становится унификацией чего-то, что заслуживает называться эпистемической установкой мыслителей.

ФК: Мне кажется, что Ваша теория о несуществовании мира очень похожа на знаменитую работу Хайдеггера «Время картины мира». Это верно?

М.Г.: Это зависит от того, как читать Хайдеггера. Как я вижу это сейчас (после внимательного изучения «Черных тетрадей» и после того, что я узнал от Зидони Келлерер о нацистском бэкграунде статьи «Время картины мира»), Хайдеггер вовсе не против мировоззрений! Он просто указывает на то, что любое решение принять данное мировоззрение будет обосновано, скорее, историей народа, чем истинными достижениями познания. Хайдеггер нигде не отрицает существование мира, но дает особую феноменологическую и герменевтическую оценку мира в рамках кантовского представления о мире как регулятивной идее.

ФК: Можете объяснить свою позицию в споре об экстернализме и интернализме и роль теории значения в Вашей философии?

М.Г.: Для меня центральные вопросы философии языка включены в онтологическую картину на границе между эпистемологией и онтологией. В частности, я придерживаюсь мысли, что общий реализм (который я поддерживаю) с радостью признает реальное бытие, внешнее для эпизодов мысли, благодаря достаточным условиям истинности любой мысли. Следовательно, мы способны производить не саму истину, а только условия истинности.

ФК: Какой позиции Вы придерживаетесь относительно свободы воли? Что Вы думаете о позиции жесткого детерминизма?

М.Г.: Я только что написал целую книгу об этом. Грубо говоря, я защищаю форму компатибилизма, неортодоксальную в том, как я связываю проблему детерминизма с принципом достаточного основания. Я считаю, что все, что бы ни происходило (включая действия), может полностью пониматься как функция множества необходимых условий, которых достаточно для того, чтобы это событие имело место. Последовательность условий непрерывна, и даже если мы знаем все условия, необходимые для того,

чтобы что-то произошло, мы всё еще можем удивиться, что так происходит. Если все условия соблюдены, событие произойдет. Это похоже на форму детерминизма, но подразумевается, что это совершенно не зависит от физических оснований, современной концепции природы или чего-нибудь еще. Это более общий (и, в некотором смысле, более детерминистический) способ рассмотрения, чем любая идея единой цепочки причинных связей во Вселенной с момента Большого Взрыва. Так или иначе, эта форма детерминизма прекрасно совместима со свободой воли, если под этим мы понимаем самоопределяющий порядок событий — действие. Например, если я хочу попасть в Москву, потому что меня пригласили, я могу просто приехать. Я могу соотнести свою поездку с множеством условий, которые зависят от чужих решений и действий (включая существование стран, аэропортов, виз, университетов, но и также, конечно же, неизвестных причинных цепей и законов природы). Отсюда следует, что самоопределение возможно и актуально. Нам просто нужно описать его правильно, то есть, не привлекая идею, что та или иная сущность должна спровоцировать множество необходимых условий, чтобы сделать действие существующим, чтобы сделать его актуальным, как оно действительно было. Это просто бессмыслица.

ФК: О чем Вы никогда не думали?

М.Г.: Как я могу быть уверен, что не думаю об этом, пока отвечаю на ваш вопрос?

Беседовал Евгений Логинов
Перевела Катарина Красавина

Художник:
Татьяна Емельянова